

Игорь Кобзев,
поэт

Дом, в котором родился Пушкин

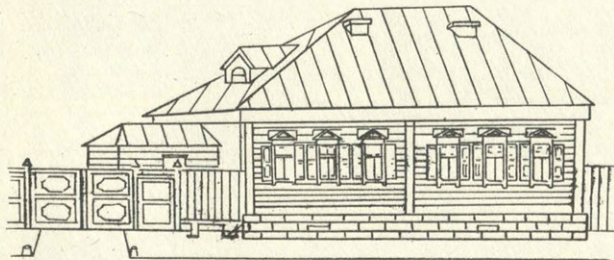
НЕ ПОРА ЛИ ЗАКОНЧИТЬ ПОЛЕМИКУ?

От редакции. В 1979 году в Московском городском отделении Общества охраны памятников была создана комиссия по выработке предложений для Министерства культуры РСФСР о воссоздании в Москве дома, в котором родился А. С. Пушкин. Такое предложение впервые было выдвинуто на страницах газеты «Литературная Россия» членами Комиссии по охране памятников истории и культуры при Московской писательской организации — Е. Исаевым, Д. Жуковым, И. Кобзевым, В. Федоровым, Н. Молевой, Н. Глуценко.

Мы публикуем статью одного из авторов этого предложения.

В разные времена достоянием печати сделалось более двадцати предложений о месте рождения А. С. Пушкина.

Родственники и друзья поэта, исследователи и просто ценители его творчества настолько «зауточняли» вопрос, что он стал сложнее проблемы «родины Гомера», за

18.11.1980 г. Савин

Предполагаемый вид дома, в котором родился А. С. Пушкин. Москва. Немецкая слобода. Рисунок художника С. Д. Васильева.

честь называться которой, как известно, спорили семь городов.

Некоторое время даже удерживалась гипотеза, будто Пушкин родился не в Москве, а в Петербурге. Разумеется, ошибочность такого предположения в свое время была доказательно установлена. А вот определение улицы и дома, подаривших нам того, кого мы называем «Солнцем русской поэзии», очень долго вызывало споры, породило затяжную полемику.

Некоторым и поныне кажется, что полной ясности тут еще нет. Примером подобного отношения может служить опубликованная

в журнале «Наука и жизнь» (№ 6 за 1979 г.) статья Л. Заверина «Где же родился А. С. Пушкин?». Правда, автору дается в том же номере журнала убедительный ответ, но тем не менее факт публикации подобного материала как бы снова берет под сомнение однозначность решения этого волнующего всех нас вопроса. А между тем в нем достигнута полная ясность.

За истекшие со дня гибели поэта почти полтора столетия накоплены необходимые научные данные, которые позволяют подвести итог этой многолетней дискуссии. Огромную роль в этом сыграла деятельность созданной в 1927 году Пушкинской комиссии, а также труды выдающихся пушкинистов Л. А. Виноградова, М. А. Цявловского, историков Москвы П. Н. Миллера, Н. П. Чулкова, Н. П. Розанова, работы председателя Комиссии по изучению старой Москвы А. М. Васнецова. В обстоятельном историческом исследовании «Детские годы Пушкина», опубликованном в сборнике «А. С. Пушкин в Москве», Л. А. Виноградов сделал подробнейший критический анализ девяти наиболее вероятных гипотез о месте рождения великого поэта. Доводы Л. А. Виноградова были единодушно одобрены Пушкинской комиссией. Все гипотезы, кроме одной, научно документированной и обоснованной, были напроочь отвергнуты. Сомнений больше не оставалось: место рождения А. С. Пушкина — флигель дома И. В. Скворцова, находившийся на бывшей Немецкой (ныне Баумана) улице, в промежутке между существующими поныне домами номер 38 и 42.

Наряду с другими ошибочными предположениями была опровергнута и гипотеза знатока московской старины А. А. Мартынова, утверждавшего, что поэт родился в доме, расположенном во владении графини Е. А. Головкиной — на той же бывшей Немецкой улице, но на противоположной ее стороне. Выводы Пушкинской комиссии были признаны настолько убедительными, что со стены дома Головкиной в 1927 году была снята мемориальная доска. Новая памятная доска была торжественно установлена на стене дома номер 42 по улице Баумана, поскольку этот дом территориально вплотную примыкал к сгоревшему флигелю и вместе с ним входил в состав участка И. В. Скворцова.

Ученые-пушкинисты, устанавливая на новом месте доску, разумеется, отдавали себе отчет в том, что окончательное решение вопроса по созданию Пушкинского мемориала еще не достигнуто, потому что двухэтажное здание, построенное в сороковых годах прошлого века (так называемый дом купца Ананьина), на котором была укреплена памятная доска, вовсе не могло дать нашим современникам представление о том, как выглядел флигель коллежского регистратора И. В. Скворцова, приютившего в 1799 году семейство отца А. С. Пушкина.

В юбилейный пушкинский 1927 год, помимо открытия памятной доски, готовилась посвященная поэту выставка. Над ее организацией хлопотал неутомимый страж всех отечественных исторических ценностей А. М. Васнецов. Ему-то и пришла в голову мысль: не для целей реставрации, а хотя бы для наглядности воспроизвести облик сгоревшего в 1812 году флигеля. Поскольку в

распоряжении пушкинистов имелся чертеж участка И. В. Скворцова, найденный в московских архивах Н. П. Бочаровым (он был помещен им в статье «Частные постройки в Москве и дом Скворцова, где родился А. С. Пушкин», опубликованной в «Известиях Московской городской думы», 1881 г.), то открывалась возможность, изучив архитектурное окружение дома, найти пропорции фасада этого здания.

Прodelать эту работу А. М. Васнецов поручил молодому и любознательному художнику, специализировавшемуся на изучении русского деревянного зодчества, Сергею Дмитриевичу Васильеву. Васильев горячо взялся за дело. О своих беседах с Аполлинером Михайловичем, о многодневных поисках всех деталей рисунка, о путешествиях в другие города и походах по московским переулкам — обо всем этом С. Д. Васильев рассказал впоследствии в своей статье, вошедшей в книгу «Аполлиний Васнецов. К столетию со дня рождения». Тогда же и был сделан рисунок дома.

17 ноября 1978 года в газете «Литературная Россия» было напечатано письмо членов Комиссии по охране памятников при Московской писательской организации. Авторы письма заявляли: «Мы считаем, что наш общий долг и обязанность — поставить на Бауманской улице под номером 40 дом, который даст каждому почувствовать дух времени, поэзию жизни, обстоятельность и обстановку эпохи появления на свет великого поэта и гражданина нашей Родины». Свое предложение авторы письма аргументировали ссылкой на подобные примеры с домом Шекспира в Стратфорде-на-Эвоне, с домом Гете в Веймаре, с домом Толстого в Ясной Поляне и т. п. Однако убедительные в целом, доводы этого письма сразу же натолкнулись на возражение специалистов, логично спрашивали: по каким архитектурным данным можно создать проект реставрации, если ни фотографий, ни гравюр, ни описаний скворцовского флигеля нет?

Вот тут-то инициаторы создания Пушкинского мемориала и вспомнили о чертеже С. Д. Васильева. К сожалению, в книге об А. М. Васнецове чертеж отсутствовал, а был опубликован лишь рассказ о работе над ним. Поиски чертежа по московским историческим архивам не увенчались успехом. Самые настойчивые и искусные «детективные» приемы погони за исчезнувшим ценнейшим документом не дали никаких результатов: работа художника канула в небытие. Но, как говорится, ищущий — да обрящет! Счастливая мысль подсказала сотрудница Московского городского отделения ВООПИиК С. Ф. Баранова, некогда работавшая в мемориальном музее А. М. Васнецова. «Надо попробовать», — сказала она, — найти не рисунок Васильева, а самого художника. Может быть, он сумеет повторить свою работу». Баранова помогла найти и адрес С. Д. Васильева, живущего, как оказалось, в Москве, в новом доме по Щелковскому шоссе. И вот мы трое — художник В. А. Бабицын, инженер Н. Д. Глуценко и автор этих строк — в гостях у седовласого старца с голубыми приветливыми глазами.

Вопросы посыпались градом. Беседа затянулась на много часов. С первых же слов,

обаятельный и глубокоэрудированный человек, Сергей Дмитриевич Васильев согласился с нашей мыслью о возможности восстановления дома великого поэта и пообещал помочь нам.

Художник рассказал, что в ответ на предложение А. М. Васнецова им были сделаны сотни набросков. Он детально изучил типичные одноэтажные деревянные флигели, часто встречавшиеся в середине двадцатых годов на окраинах Москвы: в Сокольниках, Измайлове, Марьиной роще и других районах города. По совету все того же А. М. Васнецова Сергей Дмитриевич провел лето 1926 года в Переславле-Залесском, наиболее полно сохранившем черты градостроительства минувших веков. Из своих архивов художник извлек и показал нам зарисовки четырехскатных тесовых кровель и оконных переплетов, круглых слуховых окошек и продолговатых ставней, узорчатых крыльчечиков и резных ворот... Десятки раз соизмерил каждую деталь с данными окружающей среды, с цифрами обмеров, Сергей Дмитриевич сделал в 1927 году свой чертеж, являющийся собой как бы «среднее арифметическое», извлеченное из множества вероятных вариантов искомого облика дома. Каждая мельчайшая подробность в этом типизированном чертеже, можно сказать, математически точно исчислена и обоснована.

— Я ведь следовал примеру Аполлинера Михайловича Васнецова, — говорит художник, — который воссоздавал на своих полотнох Москву минувших веков, опираясь всегда на научный анализ всех документов соответствующей эпохи. Потому-то и мой рисунок-чертеж очень пришелся по душе и по вкусу уважаемому Аполлинеру Михайловичу. Одобрели его и другие ученые общества «Старая Москва». Согласился с моими доводами и профессор живописи, большой знаток исторической Москвы Глеб Борисович Смирнов и многие, многие специалисты.

Тут же, во время беседы, Сергей Дмитриевич раскладывает на столе свои давние эскизы, расстилает белый лист бумаги, приготавливает письменные принадлежности. Ему помогает в работе его вник, сотрудник Института физики. Старый художник перенес недавно тяжелую болезнь. В руках его нет прежней твердости. Потому помощь внука становится необходимой. Вдвоем они извлекают из туманной дали былого неведомые черты дорогого каждому из наших соотечественников дома. Мы с напряженным вниманием следим, как на чистом листе бумаги выстраиваются стены, как возносятся ввысь четырехскатная тесовая кровля, как прирастают к фасаду линии забора и резных ворот... И вот он перед нами — дом, в котором родился Пушкин.

— Некоторые реставраторы наших дней не считают правомерным возрождать объекты, полностью утраченные во времени. Можно ли с ними согласиться? Каково ваше мнение по этому вопросу? — спрашиваем мы Сергея Дмитриевича.

— По этому вопросу можно долго дискутировать, — отвечает художник. — Но Пушкин, по-моему, вне всяких дискуссионных категорий. Дом Пушкина должен быть возрожден.